

Канат БУКЕЖАНОВ

ЗАПИСКИ СТАРОГО НУМИЗМАТА

Я думаю, эти тексты можно назвать моим собственным расследованием, предпринятым относительно тех денежных артефактов, которые по ходу жизни неспешно добавлялись в мое собрание. Собрание это нельзя назвать инвестицией, как сейчас любят называть любую коллекцию и интересуются часто исключительно этой стороной собирательской деятельности. Меня интересовала особая красота этих предметов и тайна, заключенная в них.

Привлекает же меня красота именно денег, находившихся в обращении, прошедших через миллионы рук и сыгравших свою роль в судьбах миллионов людей. Некоторые коллекционеры такие деньги презрительно называют «трупами», собирают лишь новые сверкающие монеты и держат их в пластиковых саркофагах, в которых они лежат как маленькие мумии. И что же после этого можно назвать мертвым? Моими медными пенни расплачивались миллионы людей – от лордов до нищих. Они лежали на миллионах мертвых глаз, прикрывая веки усопших, прежде чем гробовщики своровали их и расплатились за выпивку и харч в кабаке. Да, это была медь, но твердая медь! Потому что она что-то стоила! На эти деньги можно было жить! Поэтому, когда мы говорим о ностальгии по временам твердого и живого серебра, то мы говорим и о временах твердой меди. Именно такие деньги я называю настоящими.

И, хотя я назвал свои тексты расследованием, чем, безусловно, они и являются, ибо открывают что-то новое для меня, но при этом по возможности я стараюсь чураться всякой сухости голых фактов и осмеливаюсь разбавлять их собственными размышлениями. Более того, размышления эти имеют для меня даже большую ценность, чем просто факты.

В Багдаде всё спокойно

«В Багдаде всё спокойно!» – кричат стражники. Очень громко кричат. Сам халиф Харун ар-Рашид имеет обыкновение бродить по ночным багдадским улочкам, контролируя порядок. Тот самый халиф сказочно богат, и при этом – персонаж сказки. Тот самый – из «Тысяча и одной ночи»: мудрый и благородный. Говорят, по правде всё не так, но зачем нам правда, когда есть сказка.

О монетах Харуна ар-Рашида я прочитал в замечательной книге советского дипломата и востоковеда О. Г. Герасимова «На ближневосточных перекрестках». Мне было двенадцать лет, когда я её купил, выиграв в книжной лотерее целых два рубля. Купить было нечего – ни фантастики, ни приключений. Это были времена острой нехватки книг в торговле – книги доставали! Но я, в принципе, прекрасно удовлетворял свой литературный голод. Я тогда дружил с Варварой Павловной Дерновой, музыковедом, специалистом по творчеству, кажется, Скрябина. Она показывала мне свои труды, изданные даже в Австрии, и обладала библиотекой, какой, наверное, ни у кого в нашем городе не было! Три комнаты, забитые книгами от пола до потолка! Там было всё, в чём я нуждался в том возрасте. Варваре Павловне, как мне тогда казалось, было под девяносто. Ходила она медленно, с тростью, тяжело переступая босыми ногами в каких-то мужских ботинках без шнурков. Помню, при первом знакомстве меня поразили эти ботинки, выглядывавшие из-под длинной юбки. Видимо, у нее распухали ноги, и ей было удобно совать их в ботинки без шнурков.

Познакомились мы в книжном магазине, разговорились, не помню, о чём, я донес её сетку до дома, был приглашен внутрь и застыл, лишь переступив порог. Такое же ошеломление мне как-то пришлось испытать в музее перед двумя кайзеровскими касками пикельхаубе. Помню, что стоял, раскрыв рот, в полной прострации. Потом, уже взрослым,

купил как-то поочередно два пикельхаубе, один офицерский на франко-прусскую войну, а другой – солдатский на Первую мировую. Увы, очарование исчезло! Я очень быстро избавился от этих касок, поменявшись на что-то. Да... Но в тот день, будучи в гостях, долго не мог понять, что говорила мне милая Варвара Павловна, и она, увидев мое состояние, позволила покопаться в книгах. Ушел я, держа в руках, конечно, Фенимора Купера. Для меня не только нашелся чудесный источник, где можно найти всё, чего не достанешь даже в библиотеках, у нас быстро установился своеобразный договор. После школы я рыскал по книжным магазинам города и искал новинки. Это были всякие научные или журналистские издания, которые меня не интересовали. Я покупал то, что было любопытно Варваре Павловне, и получал за это небольшую стипендию, чтобы пополнять свою библиотеку. Все мои сбережения съедала тогда дореволюционная букинистика. До женитьбы, помню, собрал довольно-таки приличную библиотеку, которую потом благополучно распродал, будучи женатым студентом с двумя детьми и необходимостью выживать в распадающейся советской действительности и становлении новой, неизвестной и необжитой...

Итак, держа в руках книгу Герасимова, я вошел к Варваре Павловне, желая ей подарить свой выигрыш, потому что просто испытывал благодарность, да и книга эта мне была ни к чему. Не взяла. Прочла предисловие, прищурилась, сказала: «Пора бы тебе уже почитать что-то серьезное и даже немного скучное. Если не понравится, приноси, на что-нибудь обменяемся!» Конечно, тогда даже чуточку обиделся, потому что считал себя довольно серьезным человеком, но согласился... Читал эту книгу долго и с перерывами, и всё же меняться не пошел. Так я впервые вкусил этнографическую литературу.

И вот цитата у Герасимова дословно: «Динары Харуна Рашида! Беру в руки тонкие серебряные монеты, на краю которых с трудом можно разобрать слова: "Выбито в городе мира в 179 году хиджры", и в центре – слово: "Рашид"... Я не собираю старых монет, но не купить динар столь известного аббасидского халифа было просто невозможно». У Герасимова еще упоминается, каким жестоким тираном был Харун ар-Рашид, но после чтения сказок «Тысяча и одной ночи» эта информация как-то уравнилась и позабылась. Я думаю, и слава Богу! Мой Харун ар-Рашид навсегда поселился в сказочной реальности, там же, где джины, циклопы и Синдбад Мореход. Поэтому, когда увидел дирхем Харуна ар-Рашида, по старой памяти воскликнул: «Динар Харуна ар-Рашида!» Меня тут же вежливо поправили: «Дирхем!» Да я и сам видел, что дирхем, но я же ясно запомнил у Герасимова еще своей детской впечатлительной памятью: «Динары Харуна ар-Рашида! Беру в руки тонкие серебряные монеты...» Что это? Или Герасимов ошибался, или оговорился, или я запямятовал? Бросился домой к книжному шкафу, листаю, не могу найти – нашел, страница сто шестьдесят

первая. Динар! Ошибка у Герасимова! Динары-то всегда были золотые, а уж у Харуна ар-Рашида, про которого пишут, что даже посуда у прислуги была золотой, весь дом до конюшни ел на золоте!

Вот пишет Аль-Масуди: «Таково было великолепие, богатство и благоденствие его правления, что эту эпоху называют золотым веком».

В общем, купил я дирхем, и совсем недорого. Притом продавец, довольно опытный в продаже восточных древностей, уверял меня, что дирхемы Харуна ар-Рашида совсем не редкие, чуть ли не рядовые. Охотно верю, поэтому если предложат, возьму еще. Зачем? Обычно всё, что мне нравится, люблю иметь в нескольких экземплярах. И это у меня вполне получается. Только с женой так не выходит. Нет у нее повторов, вот в чем дело!

А дирхем Харуна ар-Рашида? Ну что ж, детская любовь, восточная сказка, Герасимов, незабвенная Варвара Павловна Дернова.

Денежное дерево

Как-то, много лет назад, я купил брошь в интернет-магазине. Это было мексиканское изделие, изображавшее денежное дерево. Купил именно потому, что – дерево денежное. Меня как раз интересовала история появления этого распространенного суеверия. Брошь была серебряная, брендированная от «Mexico». Продавцом было заявлено, что изначально она приобретена на распродаже драгоценностей, собранных для поддержки воинов США, находящихся на фронтах Второй мировой войны.

Вещь понравилась мне каким-то наивным очарованием и простотой. Это был очень яркий образец магического мышления, присущего некоторым людям, а мы знаем, что даже в людях рациональных просыпается первобытное мышление, когда дело касается жизни или смерти... или денег.

Если копать тему денежного дерева глубже, то первые археологические находки бронзовых статуэток денежного дерева относятся к временам китайской династии Хань и собственно ими и ограничиваются. Археологи говорят о массовом распространении этой моды в эпоху именно владычества Хань. Но надо добавить, что династия эта существовала дольше любой другой империи в Китае (206–220 гг.). То есть после правления Хань магическая традиция использования денежного дерева в погребальных ритуалах как официальная церемония перестает бытовать. Как же она сохранилась до наших дней?

Дело в том, что даосская практика, а денежное дерево – это даосская практика, долгое время существовала в Китае на уровне бытовой традиции и магии, испытывая давление со стороны главенствующего и воинствующего буддизма. Постепенно она оформилась в учение фэншуй. При этом бытовой фэншуй с денежным деревом и другими магическими предметами, талисманами и амулетами имеет только опосредованное отношение к фэншуй классическому, занимающемуся проблемами распределения энергии Ци и её потоками. Версия именно магического фэншуя была детально разработана и распространена в США американцем китайского происхождения Томасом Линь Юем. Так в 1986 году обыватели Америки познакомились с бытовым, эзотерическим фэншуем, а также с магией денежного дерева.

Однако продавцы моего ювелирного изделия утверждали, что эта вещь была пожертвована в 40-х годах прошлого столетия для поддержки солдат США. В это время никто в Америке не был знаком с магией денежного дерева!

Передо мной возникли только две версии объяснения этой загадки:

1) или брошь изготовлена гораздо позднее заявленного и не имеет никакого отношения к трагическим событиям Второй мировой войны;

2) или украшение заказал китаец, живущий в Северной Америке или Мексике и практикующий бытовые даосские традиции задолго до их массового распространения в США учением Томаса Линь Юя.

Сделав запрос в Интернете на датировку мексиканских клейм, я нашел исчерпывающий ответ. Дело в том, что, помимо клейма:

Mexico, Taxco, 925 – по кругу и С/В, в середине сверху я обнаружил аббревиатуру: TP-2M. В каталоге клейм было сказано, что подобные аббревиатуры в клеймении узаконены лишь после 1978 года и означают: первая буква – буква города, в нашем случае: «Т» (Taxco); вторая буква – начальная буква фамилии мастера или названия мастерской, в нашем случае – «Р»; число после тире показывает количество официальных ювелиров или названий мастерских, фамилия или название которых начинается на эту букву; в нашем случае – «Р» и последняя «М» означают, что мастерская находится в Мексике.

Выяснять точнее имя мастера или мастерской я не стал, посчитав это уж совсем мышиной возней, хотя поиск был бы несложным, я думаю, потому что значилось всего две фамилии или названия фирм на эту букву, работавших в Мексике. Надо было искать между Patina и Perlito. Главное, вариант с неизвестным даосом китайского происхождения, заказавшим эту брошь в 30–40-х годах прошлого века, полностью отпал. И напрашивался единственно верный вывод – об адепте Томаса Линь Юя, жившего с 1986 года, озабоченного любовью к деньгам и золотым слиткам, а также, видимо, их недостатком в своей жизни.

Мы знаем, что эпоха создания этой серебряной вещицы – это время, когда мир «сдвинулся», как говорит Стивен Кинг. А куда он смещается, нам неизвестно. Именно в такие временные промежутки наша первобытная прасущность начинает диктовать нам какие-то иррациональные способы выживания, потому что сам мир перестает казаться надежным и рациональным. Именно тогда, в конце века, становится массово популярным эзотерический фэншуй Томаса Линь Юя.

Сама брошь – типичный случай бытовой магии, когда на серебряном дереве произрастает совершенно определенная валюта и даже золотой слиток весом 24 килограмма. При этом надпись наивно вещает: «I love money». И в этом нет ничего постыдного и беззащитного, потому что изготовитель следовал колдовским законам, которые любят четкую определенность и отсутствие сомнений, впрочем, как и религия. А вообще же бытовая магия сопровождает историю денег со времени их зарождения. Вот только, кто знает точно это время зарождения? Возможно, оно начинается еще с первобытных кладов для привлечения удачи? Не с момента возникновения эквивалента оценки труда, а с момента, когда возник эквивалент привлечения удачи?

